

В. Н. КОЧЕТОВ
Москва

ФОЛЬКЛОР В РОМАНЕ В. Я. ШИШКОВА «ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ»

Своеобразие творчества Шишкова во многом определяется его тесной связью с фольклором. Писатель был близок к народу, хорошо знал его быт, его духовную жизнь. «Мои лучшие годы, — вспоминал он впоследствии, — протекли в живом труде, среди разнообразной природы. Я видел всяческую жизнь, но судьба дала мне больше всего присмотреться к жизни простых людей. Я жил бок о бок с этими людьми, нередко ел из одного котла и спал под одной палаткой с ними. Перед моими глазами прошли многие сотни людей... во многих из них я пристально вгляделся и образ их сложил в общую копилку памяти»¹.

Фольклор входит в творчество Шишкова начиная с ранних его произведений — очерков «По Чуйскому тракту» (1913), рассказов «Суд скорый» (1914), «Скала» (1915) и др., повести «Тайга» (1915). Важной вехой в развитии фольклоризма стала работа над романом «Угрюм-река» (1920—1932).

Но, несомненно, самым важным произведением в творчестве Шишкова был роман «Емельян Пугачев», над которым писатель работал с начала 30-х годов до конца жизни, но так и не успел его закончить. Для этого произведения, так же как и для романа «Угрюм-река», характерно широкое и творческое использование фольклора.

«География» фольклора в творчестве Шишкова очень широка. Если в ранних произведениях и в «Угрюм-реке» разнообразно представлен фольклор народов Сибири и Алтая, то в «Емельяне Пугачеве» Шишков обратился к устному творчеству Урала, главным образом уральских казаков.

Первое знакомство с Уралом произошло в 1927 году, когда писатель совершил поездку на пароходе до Перми. Описывая путешествие в журнале «30 дней» (№ 10, 1927) он отмечал, что путь этот замечателен и своей красотой, и возможностью знакомства с промышленным краем.

---

¹ В. М. Бахмистьев. Стенограмма вечера, посвященного годовщине со дня смерти В. Я. Шишкова. 6 марта 1946 года. Личный архив К. М. Шишковой.

В 1931 году писатель совершает новую поездку по Уралу. Он посещает Пермь, Свердловск, Нижний Тагил, Соликамск, выступает с чтением своих рассказов, осматривает Уралмаш и другие новостройки, музеи, изучает быт рабочих. Эта поездка произвела большое впечатление на Шишкова. Он решил написать роман об Урале. История Урала в нем должна была подчеркнуть то новое, что вошло в жизнь этого края: «Буду писать с самых азов, не с Демидова и Петра Первого, а с мамонтов, пещерных жителей — вкратце, конечно, но чтоб было занятно и чтоб весь Урал был со дня создания до наших дней...»² — писал Шишков. В 1931 году проф. Богословскому, оказавшему писателю большую помощь в изучении истории Урала.

Этому замыслу не суждено было осуществиться. Писатель начал работать над романом «Аракчеевщина», но очень скоро понял, что его волнует другая тема — тема народа, народного движения. Ее эпический размах хорошо соответствовал эпохе 30-х годов.

Одна из основных задач, которая стояла перед историческим романом в то время, была задача изображения силы, стойкости, таланта народа, освещения великих традиций прошлого. В 30-е годы появляется ряд исторических романов, осветивших важнейшие периоды в жизни страны и народа: «Петр Первый» А. Толстого, «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Тихий Дон» Шолохова. К таким произведениям относится и историческое повествование «Емельян Пугачев» Шишкова.

Тема романа была органически связана с творчеством писателя. К ней Шишков шел исподволь, начиная с первых своих рассказов, главным героем которых был человек из народа. Его судьба искренне волновала писателя, ему он и посвятил большинство своих произведений.

Впервые тема пугачевского восстания обозначилась в творчестве Шишкова в 1923 году, когда он работал над повестью «Ватага». В центре повести — действия в годы гражданской войны анархического отряда Зыкова, повинного в зверском истреблении жителей города Кузнецка. «Я хотел, — писал Шишков, — на эту тему написать рассказ, изобразив зверское буйство ватаги. В процессе же работы мне пришла мысль, что «зыковщина» и «пугачевщина» — родные сестры, что мужик — каким был при Иване Грозном, царе Петре, Екатерине, таким в своей массе и остался до последнего времени... Словом, мне захотелось обе эпохи — «пугачевщину» и «зыковщину» — сблизить, сопоставить, дать читателю возможность сделать соответствующие выводы»³. Эта попытка успеха не имела. Она показала, что в то время Шишков еще недостаточно ясно понимал сущность перемен, происшедших в России. Неверным было представление о партизанском движе-

² А. А. Богданова. Вячеслав Шишков. Новосибирск, 1953, с. 113.

³ И. Изотов. Вячеслав Шишков. М., 1956, с. 40.

нии как о стихийном разгуле народных масс. Недостаточно глубоко осмыслил писатель и сущность пугачевского восстания. Роман «Емельян Пугачев» свидетельствует о том, насколько изменились представления Шишкова о народном движении конца XVIII века.

Народное творчество было для Шишкова не только образцом художественного мастерства, поэтической выразительности и яркости, оно было источником познания жизни народа, его стремлений, его психологии, морали. Поскольку в центре исторического повествования «Емельян Пугачев» стоит жизнь народа в России 2-й половины XVIII века, писатель широко использует фольклор во всем его жанровом многообразии для того, чтобы изобразить ее наиболее полно и точно, чтобы правдиво и ярко нарисовать портреты участников восстания. Поэтому так велика идейно-художественная роль народнопоэтических элементов, включенных писателем в роман. Писатель тщательно отбирал те произведения фольклора, которые отвечали задаче объективного изображения крупнейшего из народных движений самодержавно-крепостнической России.

В своем исследовании о жизни и творчестве Шишкова Вл. Бахметьев отметил важный момент: «Изучая язык эпохи, писатель обращался к мемуарам, к эпистолярной литературе, к сборникам фольклора и пр. Народными сказаниями о Пугачеве Шишков пользовался как камертоном, настраивая голоса своих казаков, крестьян, заводских людей»⁴. Фольклор помог писателю огрести народную точку зрения на восстание, дать народную оценку личности Пугачева. Эта оценка полностью совпадала с авторской, поэтому историческое повествование отличается идейная близость к произведениям народного творчества. Шишков отвергает утверждение о том, что восстание Пугачева носило разбойничий характер, а его руководитель был злодеем. Такой взгляд был особенно характерен для реакционных писателей и историков прошлого. Изображая Пугачева, он во многом развивал традиции пушкинской повести «Капитанская дочка».

Народнопоэтический материал, включенный в историческое повествование, весьма разнообразен по жанровому составу: песни, предания, пословицы, поговорки, причитания, фольклорные мотивы и образы. Вводится этот материал по-разному: одни фольклорные произведения представлены в своем неизменном виде, другие писатель перерабатывает в разной степени.

Без изменений автор использует, в основном, песни, пословицы и поговорки. Чаще других жанров в произведении встречаются песни. Исследователи подсчитали, что их свыше пятидесяти. Кроме любовных, семейно-бытовых, плясовых, колыбельных, бурлацких, солдатских писатель включает историческую песню о Разине. Все они несут в повествовании различную смысловую на-

⁴ Вл. Бахметьев. Вячеслав Шишков. М., 1947, с. 186.

грузку. Разнообразие их отражает разнородный состав армии Пугачева, помогает выразить различные настроения и мысли повстанцев.

Так, изображая веселящихся в трактире гвардейцев, Шишков вводит в текст плясовую песню, рисует пляску: «Ввалился с улицы хор плясунов и песенников — гвардейцы и артиллеристы, все вполпьяна... Два десятка только что вошедших красавцев-богатырей, наскоро хватив по чарке и подбочившись, дружно грянули отборными голосами залихватскую:

При долинушке «калинушка» стоит,
На калине соловей-птица сидит,
Горьку ягодку-калинушку клюет,
Он малиною закусывает.

Быстро раздвинув столы, и четверо гвардейцев бросились в дробный пляс. Тут все сорвалось и закрутилось: песня, топот, сопелки, дудки. По трактиру ветерки ношили, молодые голоса рвут песню с гиком, с присвистом, звенит в ушах, звякают стекла, взмигивают, стелются плашмя хвостатые огоньки свечей. Гости прихлынули вплотную к плясунам. Довольные лица улыбаются, хмельные глаза горят»⁵.

Песня может выражать и иное настроение:

Ах вы, бедные головушки солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покою нет.
Что со вечера солдатам приказ отдан был.
Со полуночи солдаты ружья чистили.
Ко белу свету солдаты во строю стоят... (3, 199).

Эту солдатскую песню поет старый сержант. Она выражает чувства человека, вся жизнь которого была связана с тяжелой службой в армии.

Песня занимает большое место в массовых сценах, подчеркивая вековые чаяния, надежды народа, его свободолюбие, готовность с оружием в руках завоевать свободу:

Ты возмой, возмой, туча прозная,
Ты пролей, пролей част-крупен дождик...

«Казаки оживились, и стоголосая песня бурей ударила в стену и в небо:

На Руси давно правды нетути,
Одна кривдушка ходит по ювету» (1, 701).

Поет опряд Пугачева, выступающий в свой первый поход. Начинается восстание. Песня эта выполняет важную функцию: подчеркивает его причины, его справедливый характер.

⁵ В. Я. Шишков. Емельян Пугачев, кн. 1. М., 1955, с. 214. Далее цитируется это издание с указанием в тексте книги и страницы.

Изображение восстания Шишковым имеет свои особенности: все его важные этапы находят отражение в песнях. Песня социального протеста «открывает» движение повстанцев. Заканчивается же изображение восстания песней иного эмоционального и социального наполнения: «И была вокруг все та же упрямая, вся в тоске, вся в жалобе, песня».

Вот она и сейчас надрывно звучит над песками, над зеркальной гладью реки:

Ма-туш-ка Во-о-олга,
Ши-ро-ка и до-о-олга,
Ты нас ука-ча-а-а-ала,
Ты нас ува-ля-а-ла!

Это бурлаки, внатуг налегая грудью на лямки, совершают последнюю в этом году путину... Идут в ногу, мерно покачиваясь. И в такт шагам чуть покачиваются повиошие руки...

Ты нас ука-ча-а-а-ала,
Ты нас ува-ля-а-а-ала,
На-а-шей-то силушки,
На-а-шей силушки не ста-а-ло...

Поет песня, поет сердце... Эх, лучше бы гулять не по Волге-матке, а по степям да раздольям с воинством мужицкого «батьюшки-царя», мирского радетеля. Он ладный укорот давал немилостивым барам, да лихим воеводам, да судьям-грабителям... Где-то он, свет наш, жив ли, здоров ли? Сказывают, быдто схватили его, отца нашего, генералы царские...

Плывет песня, плывут думы, течет похолодевшая вода» (3, 535). Восстание разгромлено. Помощи ждать неоткуда. Впереди ждут долгие годы рабства, нищеты. И бурлацкая песня хорошо передает настроение народа в этот момент. Как видно из этих примеров, песня играет в романе композиционную роль.

В ряде случаев Шишков включал в произведение жанры, созданные им по образцу фольклорных. Примером является песня, которую исполняют во время «веселой застольицы» Пугачев и его соратники. Она подчеркивает свободоллюбивый, независимый характер участников восстания: «Седоголовый Витошнов голосисто затянул:

Как на Яике, на родной реке,
Собирались в круг все казаченьки.

Его зачин дружно подхватили...

Атаман-боец кругу речь держал,
Кругу речь держал, сам приказывал:
— Вы, казаченьки прирубешные,
Вы не кланяйтесь каменной Москве.
Каменна Москва Яик выпила,
Осетров в реке всех повывела,

К нашей волюшке подбирается,
Нас в дугу согнуть собирается...» (2, 493—494).

Хорошо изучив фольклор уральских казаков о Пугачеве, Шишков решил испытать свои силы в песнетворчестве. Мастерство, с которым написана эта песня и другие произведения, показывает, сколь глубоко проник писатель в мир народного искусства.

Часто писатель, вводя фольклорные произведения в текст «Емельяна Пугачева», изменяет их, перерабатывает в соответствии с идейно-художественной задачей романа. Пример тому — многочисленные уральские предания о Пугачеве, используемые автором. Из всех фольклорных материалов, включенных в книгу, они выполняют самую важную функцию.

На основе народных преданий строится прежде всего образ Пугачева — народного заступника, избавителя от гнета крепостников. В преданиях подчеркивается справедливость Пугачева, его доброта по отношению к простым людям и ненависть к врагам, его смелость, сила, ловкость. Таким, в частности, изображается Пугачев в казачьих уральских преданиях, записанных И. И. Железновым, с которыми Шишков познакомился в сборнике, составленном А. Н. Лозановой⁶. Это подтверждают многочисленные выписки, сохранившиеся в его архиве. Такую же характеристику получает предводитель народного движения и в произведениях Шишкова. Сближается с народным и понимание писателем сущности пугачевского движения в целом.

Знакомясь с фольклором о Пугачеве, Шишков производил тщательный отбор преданий, вводя в произведение только те, которые действительно отражали народную оценку Пугачева и его движения. Целый ряд сцен эпопеи перекликается с соответствующими эпизодами из преданий.

Каким же образом Шишков перерабатывает фольклорный материал в своем произведении?

Ряд небольших преданий писатель разворачивает в подробные сцены. В этом случае предания являются как бы сюжетным стержнем, вокруг которого вырастает художественное повествование. Так, например, в сборнике Лозановой помещено такое мордовское предание: «С пугачевцами ушло из Оркино несколько человек мордвов, которые вскоре вернулись с обрезанными ушами и носами. Свернув с большой дороги на Оркино, обезображенные беглецы постыдились идти в таком виде в свою деревню и решили лучше умереть, почему, при входе в лес, они бросились друг на друга и перерезались ножами» (Лозанова, 268). В записной книжке Шишкова содержится выписка из этого предания с краткой пометой «В роман!». В романе это лаконичное предание вырастает в следующую сцену: «Но вот появились посланцы Пу-

⁶ Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступительная статья, редакция и примечания А. Н. Лозановой. М., 1935. Далее цитируется это издание с указанием фамилии составителя и страницы.

гачева, они привезли с собою башкирца, изуродованного комендантом Карагайской крепости полковником Фском. Пойманному пленнику Фск приказал отрезать нос, уши и на правой руке все пальцы.

— Вот, братья башкирцы, присмотритесь к своему сородичу!— бросал в толпу новый пугачевский позытчик Григорий Туманов.

Изувеченный с непомерной печалью в глазах показывал окружавшим его беспалую, еще плохо подвижную культяпку, стараясь левой ладонью стыдливо укрыть страшное, как у Хлопуши, лицо свое. Он ничего не говорил и не обливался слезами, но небритый, в черной щетине, подбородок его дрожал и широкая прудь надсадно дышала.

Чернобородый, приземистый Григорий Туманов, окинув большими глазами толпу, достал из сумки бумагу, вздернул вверх голову и вновь заговорил:

— А вот прислушайтесь, братья башкирцы, что пишет змей Ступишин, комендант Верхне-Яицкой дистанции:

«Возле Верхне-Яицкой... я, комендант Ступишин, поймал башкирца Мусина с воровскими от разбойника Пугачева письмами. Письма я велел принародно под барабанный бой сжечь, а тому вору башкирцу приказал отрезать нос, уши и к вам, вора, с сим листом от меня посылаю!».

Толпа в ответ шумела еще громче.

— Не с вами ли оный Мусин? — спросил Туманов.

— Нет, бачка-начальник!—закричали башкирцы. —Зеутфундин Мусин помирл, горлом себе резал, сапсем кончал. Срамно было свой наслег показаться, ювой дюрта.

Многие сотни башкирцев как по уговору вскочили в седла:

— Веди нас к бачке-осударю!..» (3, 121—122).

Писатель подвергает предание не только художественной переработке, оно приобретает и новые смысловые оттенки. В данном случае фольклорное произведение наполняется ярко выраженным социальным содержанием: зверства офицеров армии Екатерины вызывают гнев башкирского населения, поднимают его на борьбу с народными угнетателями.

Подобным же образом Шишков обрабатывает предание, рассказывающее о барине, спрятавшемся от пугачевцев, зарывшись в зерно (Лозанова, 207). Писатель использует этот материал в главе «Село Большие Травы.— Гром» (1, 441—448). В отличие от барина в предании, управителю барского имения в романе не удалось уйти от народного возмездия.

Из ряда преданий автор берет лишь отдельные упоминания о каком-либо факте или событии, небольшие эпизоды. Они являются тем зерном, из которого вырастает повествование. В предании, которое рассказал Железнову житель одного из казачьих форпостов, дается такая характеристика Пугачева: «А был он, родитель сказывал, был он воин настоящий, за редкость таких: и храбрый, и проворный, и сильный, просто богатырь! В пору ло-

шадь обгонял! А раз, под Оленбургом, сам своей персоной один батареей управлял, всех двенадцать орудий было, а он успевал и запрашивать, и наводить, и палить, и в то же время полковникам и генералам своим приказанья отдавал. Вот он молодчина какой был!» (Лозанова, 306). Этот рассказ о качествах Пугачева как боевого командира Шишков использовал в главе «Генеральный бой под стенами Татищевой» (2, 695—712).

В одном из преданий содержится такой эпизод: «Пугачевцы крестьян не трогали, они очень не любили господ. Лишь только Пугачев найдет барина, он срубит ему голову и бросит, словно собаку. Господа видят—дело плохо, начали одеваться по-крестьянски. А крестьяне сердиты на господ, скажут Пугачеву про барина. Пугачевцы подойдут к барину и спросят его: «Ты кто?»—«Я крестьянин»,—скажет барин. «Покажи-ка свои руки»,—скажет пугачевец. Барин покажет. «Твои руки больно белые, тебя надо повесить»,—и повесят барина». (Лозанова, 206—207). Этот эпизод лег в основу главы «Барин Одышкин» (3, 397—405), в которой барин, спасаясь от пугачевцев, оделся в крестьянское платье, а его слуга Зиновий—в барское. Но обман был раскрыт, и помещика постигла справедливая кара.

Явно перекликается эпизод из предания, записанного Железновым от В. С. Рыбинского, в котором гусарский командир признает в руководителе восстания Петра Федоровича (Лозанова, 309), со сценой из главы «На берегах Камы» в романе, где царя узнает старый сержант гвардии из крепости Оса (3, 194—197). Описывая в романе знакомство Пугачева с Устиньей, будущей «казахьей царицей», Шишков использовал фактическую сторону предания, записанного от Н. П. Кузнецова, родственника Устиньи (Лозанова, 282—297).

В других случаях Шишков, перерабатывая предания, идет по иному пути. Обращаясь к преданиям, пространно повествующим о народном движении, писатель значительно сокращает их, отбирает из них самое важное, что характеризует образ Пугачева, и включает части фольклорных произведений в текст эпопеи. На основе этих частей созданы в романе многочисленные рассказы Пугачева о его странствованиях, о его пребывании в Египте, Царьграде, Риме, о жизни у прусского короля, у турецкого султана. Здесь писатель использовал фольклорные материалы, записанные Железновым от монахини А. В. Невзоровой (Лозанова, 227—246) и старого казака И. М. Бакирова (Лозанова, 245—282). Оба информатора несколько не сомневались в царственном происхождении руководителя восстания. Кстати, это является особенностью уральских казачьих преданий: в них повествуется не о Пугачеве, а о «Петре Федоровиче»⁷.

---

⁷ Это отмечают исследователи пугачевских преданий: В. К. Соколова. Песни и предания о восстаниях Разина и Пугачева.—В кн.: Русское народно-поэтическое творчество.—Тр. ин-та этнографии. Новая серия. Т. 20. М., 1953,

В рассказе Невзоровой странствования «Петра Федоровича» начались после того, как царица приказала солдатам не пускать его во дворец: «Нечего было делать, побился, побился он около ворот и часового и ушел опять на корабельную пристань, сел на корабличек и уехал в иную землю.

Таким-то побытом и стал он, батюшка, странствовать из царства в царство, из королевства в королевство. То к тому придет царю, то к другому. Все его по тайности принимали, все почитовали, а помощи ему не давали. Один говорит: «Не могу я в чужие дела входить—своих много». Другой говорит: «Свой дерись-бранись, а чужой не приставай». С их стороны это был только отвод один, а на самом-то деле они крепко побаивались матушки Катерины Лексевны. Ведь она даром что женщина была, а какая разумная, да и воевать-то была горазда, что твоя Ольга премудрая: супротив нее ни один царь не стоял—всех побивала. На что уж прущкой король Фридрих воин был, говорят, от всего света, и богатырь: железные подковы разгибал, всех суседних царей побивал, а она, наша матушка, и его побивала. Значит, всех сильнее, воиничее была!.. Все на нее зубы прызгли, а супротивничать не смели. Особенно зол был на нее турецкий салтан. Из досады-то, что она его дошибла, данью обложила, в корень, что называется, разорила, он, говорят, и шепнул Петру Федоровичу, когда тот к нему в Царьград пришел: «Ты, говорит, что по чужим-то опородам мотаешься? У тебя, говорит, свой зеленый сад стоит. Толкнись-ка ты, говорит, к орлам своим брадытым, сиречь к казакам яицким: присугласи, говорит, их к себе и уж через них, говорит, получишь ли, нет ли, что тебе следует... Сугитай, говорит, куда велю; не трать понапрасну время, и так, говорит, ни за что ни про что пропало лет десять, как ты без места» (Люзанова, 231—234).

Вводя это предание в роман, Шишков значительно сокращает его и делает рассказчиком самого «Петра Федоровича»: «...на кораблике уплыл,—продолжает слепка захмелевший Пугачев рассказывать о своем прежнем житье-бытье. — Как взяли паруса, так ветрище и попер нас. Таким-то побытом я и стал ходить из царства в царство, из королевства в королевство...

И наущает меня турецкий султан: «Что же, говорит, ты по чужим-то опородам шатаешься, у тебя, говорит, свой зеленый сад цветет. Толкнись-ка, говорит, к орлам своим бородастым, к казакам, да присугласи, говорит, их к себе. А уж через них—получишь ли, нет ли, что тебе по праву следует. И так, говорит, ты, ваше величество, ни за что ни про что десять лет мытаришься без места своего...» (2, 494—495).

с. 53—55; В. П. Кругляшова. Предания уральских казаков и горнозаводского населения Урала о Емельяне Пугачеве.—В кн.: Народная устная поэзия Дона. Ростов н/Д., 1963, с. 364—368; Г. И. Плосхук. Научный отбор и систематизация повествований пугачевского цикла.—В кн.: Фольклор крестьянской войны 1773—1775 годов. Л., 1973, с. 11.

Шишков полностью выбросил часть, в которой говорится о Екатерине, оставив лишь первую фразу из приведенного отрывка и слова турецкого султана. Столь лестная характеристика императрицы в речи Пугачева была бы неуместна. Сам стиль предания остался почти без изменения: Пугачев в романе говорит тем же языком, что и «Петр Федорович» в фольклорном произведении, за небольшим исключением: Шишков заменил слово «брадатый» на «бородатый» и выбросил слово «сиречь». Эти архаизмы были слишком нехарактерны для речи Пугачева в романе. В то же время писатель широко вводит в роман язык уральских преданий. Исследователь Л. Н. Мурзин отмечает, что свыше 80 слов и оборотов народной речи, использованных Шишковым, находят параллели в преданиях⁸.

Записи Железнова были использованы также в первой книге романа и рассказах пасечника Прова о путешествиях «Петра Федоровича».

Переработке в произведении подвергаются не только предания, но и другие фольклорные жанры, например причитания. Описывая горе старика-отца, оплакивающего сына, который не вынес издевательств барина и покончил жизнь самоубийством, писатель обращается к жанру причитаний: «Эх, сынок, сынок... не стерпел поруганья, сам на себя руки наложил... Не сразили тебя пули немецкие, сразила нагайка барская. А уж ты ли не вояка был!.. Голова на войне проломлена, нога стреляна, плечо рублено... Эх, сынок, родная моя кровушка...». (1, 442). Всем строем речи, лексическими формами (повторения, постановка определений после определяемых слов, использование причастий прошедшего времени, слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами) этот плач близок к фольклорным причитаниям, в то же время не повторяет ни одно из них. Использование причитания в данном случае оправдано, трудно сильнее выразить большое горе родителей.

Изменяет автор и некоторые пословицы, например: «Верность—горда берет» (3, 229) вместо «Смелость—порода берет», «Пруссаков бояться—на войну не ходить» (1, 33) вместо «Волков бояться—в лес не ходить»; «На царя надейся, да и сам не плошай» вместо «На бога надейся, а сам не плошай» и др. Эти изменения также оправдываются авторским замыслом. Вот, например, в каком контексте используется последняя пословица: «Еще пропущен слых,—говорит старый рыбак,—быдто наследник Павел на помощь батяке-то идет с превеликим воинством. Поди и у вас туторят?...

Пугачев смолчал, приметно нахмурился, и, как бы разгадав его мысли, подал голос Горбатов:

— Настанет пора, пожалуйет и наследник. А только народу-то

⁸ Л. Н. Мурзин. Состав и стилистические функции форм народной речи в произведении В. Шишкова «Емельян Пугачев». Канд. дис. Куйбышев, 1962, с. 119.

об одном помнить надобно: на царя надейся, да и сам не плошай...» (3, 297). Эта измененная поговорка точно и выразительно передает мысль Пугачева: залог успеха народного движения — в единстве и силе народа.

Творчеству Шишкова свойственно и такое использование фольклора, когда сам факт заимствования трудно установить, нельзя назвать какое-то конкретное народнопоэтическое произведение, которое вводит писатель в эпопею, но аналогии между литературными и фольклорными героями, ситуациями всегда четко прослеживаются. В таком случае фольклор как бы растворяется в стиле романа, пронизывает его идейно-художественную структуру.

Такое использование фольклорного материала наблюдается при создании многих женских образов романа. Казачки из произведения Шишкова напоминают нам героинь народной песенной лирики. Рисуя их образы, писатель вводит в их речь народнопоэтические обороты, насыщает ее фольклорными формами слов.

Вот как изображает Шишков Дашу, приемную дочь коменданта Яицкого городка Симонова, переживающую разлуку с любимым: «никто не заметил, как густо скраснела Дашенька; у нее на сердце не Гришка Бородин, а гвардии сержант Митя Николаев. Где-то он, благополучен ли? Поди, уж к Оренбургу подъезжают. Ой, Митя, Митя!.. Уехал и проститься позабыл» (2, 69); «Придет время, суженый возьмет да и объявится. И убиваться столь прекрасной девоньке нечего... Ну, может быть, при случае посоветуется с тайной подруженькой, Устей Кузнецовой» (2, 104); «Эх, Митя, Митя! Неужели же угнул ты в руки разбойника, неужели же злодей голову срубил тебе, а тело бросил на растерзание волков степных?» — мысленно причитает Даша, и белая подушка ее мокра от слез» (2, 105).

Один из самых ярких женских образов в романе — образ Стеши Твороговой. Если Дашу сближает с фольклорными героинями ее речь, то Стеша и внешнеюстью своей напоминает красавиц из песен и сказок: «Красивая, рослая, румяная, с лукавым в глазах блеском, она была в лучшем наряде и походила на боярышню» (2, 102); «Красавица Стеша в тугой шубейке с белым воротником и в шелковой, нежноголубого цвета, с фасоном повязанной шали сидит на своем возу, глаз не спускает с заветных окошек государева «дворца». «Где ты, свет мой, покажись», — шепчут ее губы, и вся она — томная, сияющая красотой своей, свежая, статная, в неизбывной тоске и горести. «Прощай, батюшка, прощай!» (2, 748). Любовь ее не знает преград: «Теперича до пробовой доски, свет мой! Ты в одну сторонушку, а я, горькая-разгорькая, в другую...»; «Берегись, батюшка, свет мой!.. А в случае — к нам беги... У сердца своего тебя укрою. Мужа жину, с тобой, зернышко мое, в Узени уйдем...» (2, 749). Так же нарисован образ Устины Кузнецовой.

Подчас и образ Пугачева ассоциируется с фольклорным образом «доброго молодца». Вот как обращается он к Катерине, крестьянке из села Котловка: «Пугачев заулыбался во все лицо, сдернул с головы мерлушковую шапку, широко взмахнул ею вправо-влево и молодцевато поклонился молодухе: «Благодарствую вдругорядь. Ой да ты, кундюбочка моя! Растревожила ты мое ретивое...» (1, 179). Характерно, что такие ассоциации возникают в романе до того, как Пугачев объявил себя царем. После же этого события образ вождя народного движения переключается с образами былинных богатырей.

Уже сама тема романа — борьба народа за свободу, справедливость — сближает эпопею «Емельян Пугачев» с произведениями народного творчества. Идеиная близость исторического повествования к фольклору определяет изображение многих персонажей. Так, в русле фольклорных традиций освещаются образы представителей духовенства. Попы, монахи в фольклоре изображаются резко отрицательно. Народ осуждает их за жадность, нечестность, лицемерие. Близка к фольклорной сатирическая характеристика духовенства в «Емельяне Пугачеве».

Фольклорный материал, включенный в роман, выполняет самые разнообразные функции. Некоторые из них уже отмечались в связи с разговором об использовании песен, причитаний — это выражение настроения героев, их чувств, обрисовка обстановки, в которой происходит действие, положения народа в стране. Но самую важную функцию выполняют, как уже отмечалось, предания — они помогают выразить народную оценку восстания, его сущности, определяя тем самым идейное содержание романа.

Предания и песни участвуют также в создании образов героев и прежде всего Пугачева. Песни сопровождают героя на протяжении всего повествования. В романе он назван первым плясуном и песенником среди солдат. Любовь Пугачева к песням и хорошее исполнение, их подчеркивают его способности, раскрывают лучшие стороны характера — душевность, умение чувствовать красоту. Вот как описывает Шишков исполнение Пугачевым казачьей песни: «Он пел с большим природным мастерством, полузакрыв глаза и прислушиваясь к тому, как звучит родная песня. Его звонкий, доходчивый голос то выразительно взлетал, то падал и бередил сердце... Слова были самые обыкновенные, простые, но певец вкладывал в них столько души, что гости, замерев, глубоко вздыхали, никли головами и уже не могли вырваться из охватившего их сладостного плена» (2, 662).

Песня «При бережку, при лужку...», которую исполняет Пугачев, подчеркивает его свободолюбие. Она выполняет в романе и другие важные функции. П. Д. Лихошвай определила их так: «Песенные слова о воле являются лейтмотивом главы «Избавитель нашелся». Она раскрывает смысл основного конфликта романа. Песенный мотив воли определяет идейную направленность не только данной главы, но всего произведения в целом. Не слу-

чайно песня вкладывается в уста Пугачева, возглавившего народную борьбу за свободу»⁹.

Песни участвуют в создании характера и других героев из народной среды или близких к ней. Так, мастерское исполнение Суворовым солдатской песни подчеркивает его близость к народу, к солдатам, богатство его внутреннего мира.

Активно участвуют в создании образов персонажей также пословицы и поговорки. Их использует в своей речи большинство действующих лиц романа. В устах Пугачева пословицы и поговорки — прежде всего отражение народной мудрости: «Время что семя: был бы дождик, оно себя покажет» (2, 353), «Яблочко созреет, само упадет» (3, 331), «Море по рыбе не тужит» (2, 554). Они подчеркивают решительность, смелость Пугачева, силу его характера: «Либо в стремя ногой, либо в пень головой!» (2, 545), «Кто едет, тот и правит» (2, 624), «Руби столбы, заборы сами повалятся», — заявляет он, призывая народ к борьбе с помещиками.

Пословицы и поговорки участвуют также в создании характеров отрицательных героев. Шишков добивается комического эффекта, вводя пословицы и поговорки в речь Екатерины. Императрица, демонстрируя свой интерес к русскому языку и свои знания в этой области, записывает пословицы и поговорки, употребляет их в своей речи. Но использует она их не к месту, постоянно искажает, и это говорит об отдаленности ее и от русской культуры, и от русского народа. Вот образцы ее «творчества»: «Господа, — сказала она. — Шутки в сторону, солсвья баснями не угощают, давайте о делах...» (1, 350). «Мы чересчур расходчивы. А надо, чтобы какова одежда, так и ножки протягивать» (1, 351). «Мое мнение — печатать, — повторила Екатерина. — Ты, Гришенька, я вижу, не столь далеко уехал от господина Сумарского. Не зря же говорится по-русски: два рыбака — пара» (1, 360).

Пословицы и поговорки могут также подчеркивать положение народа, его отношение к угнетателям: «Барская ласка до порога» (1, 439), «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу» (1, 428), «Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки» (1, 86), «Барам жиреть, а нам хиреть» (1, 87).

Они, как и песни, могут играть в произведении и композиционную роль. Некоторые из них выступают в качестве названий глав: «Федот, да не тот», «Не пилося, не елось», «Пир горой». Иногда они играют роль заключений к главам, как бы резюмируя их содержание. Вот как заканчивается первая часть первой книги романа: «Нет, ни генералу Корфу, ни сенатору Никите Панину не удержать под дырявым решетом дыма от пожараща, не погасить «людскую эху» никакими манифестами, никакой хитростью-премудростью. Истинно сказано: ветром море колышет, молвою — народ» (1, 284).

⁹ П. Д. Лихошвай. Роман «Емельян Пугачев» В. Шишкова. Канд. дис. М., 1965, с. 240.

Для того чтобы ярче изобразить быт казаков, Шишков вводит в историческое повествование различный этнографический и фольклорный материал. Таково описание празднования рождества в 3-й книге. Описывая женитьбу Пугачева на Устине, писатель вводит свадебный обряд. На свадьбе исполняются старинные казачьи семейно-бытовые песни: на сговоре — «Ой, зори вы, зори весенние» (2, 646), на пиру — «Без тебя, ой без тебя, мой друг...» (2, 661).

Помогают лучше узнать быт народа, его мировосприятие и различные поверья и приметы, которые включает писатель в произведение. Казаки, тайно собравшись на встречу с Пугачевым в степи, провожают тревожными взглядами ворона — они боятся, что он принесет им несчастье (1, 682). Верят казаки в сны: «Встревоженная бывшим в ночи сном, Устинья сидела под окошком в унынии. А сон вот какой: будто бы идет она вдоль речки с венком на голове, а из омутины вдруг рука выставилась, на пальцах драгоценные перстеньки сияют, поманила ее рука и снова в омут.

— Сон дрянной, — со вздохом сказала Устинья сномха ее... — Как бы тебя сатана какой в омутину не упер» (2, 641). Верят они и в нечистую силу.

Разнообразные функции выполняют в романе и фольклорные образы. Рисуя портреты Пугачева и его сподвижников, Шишков часто обращается к образам богатырей: «Ему запомнилось черноборское лицо, горделивая осанка всадника, рост и поступь могу чего солового коня. Каким-то древнерусским богатырским эпосом пахло на Галахова со степных просторов Волги, будто он вочию увидал и запечатлел навек ожившую русскую сказку об Илье Муромце или Микеле Селяниновиче с их железными дружинами. Вот он, русский народ, творец истории! «Уж ты пой еси, богатырь степной, хотелось крикнуть вдогонку всаднику на соловом экакуне...» (3, 517). Черты портрета жадного попа из сказки использует писатель при создании образа воеводы Сухожиллина-Таракана: «Нрав у воеводы крутой, горячий, глаза завидующие, руки запербушие» (3, 11).

Фольклорные образы также помогают точно, лаконично и выразительно нарисовать обстановку, различные ее детали. Вот как изображена изба, которую выбрал для жительства офицер Шванвич: «Застекленное оконце промерзло, давало мало света... — А кто же в этой избушке на курьих ножках жил? — спросил Шванвич. — Уж не баба ли яга?» (2, 337). С той же целью в сцену похорон девочки Акульки писатель вводит образ смерти (3, 460).

Исследователь Жовтис отметил еще одну важную роль, которую играют фольклорные материалы в романе: «Народнопоэтические элементы, вплетенные в историческую канву, расширяют границы изображаемой эпохи, подчеркивают творческое начало в психологии массы. Пугачев у Данилевского не говорит пословицами, ибо он персонаж отрицательный, обобщающий разве толь-

ко разбойные инстинкты казачества. В романе «Черный год» никто не поет песен, потому что введение песни уже говорит о признании творческого начала в мужике, а не начала разрушительного»¹⁰.

Историческое повествование «Емельян Пугачев» отличает широкое использование художественных средств и приемов народной поэтического творчества.

Выше уже говорилось о растворении фольклорных элементов в языке романа. Это свойственно, в частности, авторской речи. Особенно ярко это проявляется в романе, когда писатель обращается к сказовой стилизации. Шишков использует эту форму для создания атмосферы таинственности, загадочности или для подчеркивания значительности происходящих событий. Предваряя неожиданный поворот событий в селе Большие Травы после бунта крестьян, автор дает лаконичную пейзажную зарисовку: «Опять ночь спустилась. В синем небе над белой церковью месяц встал...» (1, 463). В таком же плане изображен пейзаж перед казнью крестьянами управителя в этом селе: «А по небу плывет туча, отдаленный промовой раскат прогудел, но его никто в суете не слышал» (1, 445). Здесь Шишков использует символику пейзажа, которая так распространена в романе.

Писатель обращается и к форме сказа, когда повествование ведет уже не автор, а один из персонажей. Такова «исповедь» Хлопуши: «А звать меня, люди добрые, Афанасьем Тимофеичем, но роду — Ссолов, я уж сказывал. А годов мне сорок пять... А как зачали у Пречистенки у рогаток бить в трещотки тревогу, дружки мои пали ко мне в сани да дуи — не стой на Москву-реку! Ну, одначе, стражники догнали нас, всех троих привели в часть. Путем-дорогой дружки научили меня, чтобы всем троим настоящим званье укрывать, а показывать одно: все, мол, мы беглые, Черниговского полку солдаты» (2, 346). Здесь присутствуют характерные элементы сказа: инверсии (постановка сказуемого перед подлежащим, определения после определяемого слова), повторения союзов, вводные слова (одначе), частицы (ну, мол), синонимы (путем-дорогой), народные выражения (дуи — не стой).

Авторская речь и речь героев в романе часто сближаются, и это придает единство стилю произведения.

Наряду с символикой пейзажа Шишков прибегает к приему олицетворения природы. Пейзаж часто активно участвует в развивающемся действии. После крупного поражения под Троицкой крепостью автор рисует такой пейзаж: «Пугачев один. Возле него нет ныне армии. И хвойные леса сопровождают его загадочным шепотом, то ли удачу сулят ему, то ли пророчат конец его прозным деяниям, предрекают всякие бедствия. Ветру нет, а лес шу-

¹⁰ А. Л. Жовтис. «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова (отбор и творческое использование материала). Канд. дис. Алма-Ата, 1954, с. 341.

мгнт-пошумливает шелковым шелестом. Ветру нет, и нет возле «батюшки» армии. Армии нет» (3, 132). Здесь использован также прием повторений, который нередко встречается в романе, и прием психологического параллелизма. Изображение природы соответствует состоянию Пугачева, подчеркивает его переживания. Эту функцию пейзаж довольно часто выполняет в романе.

Многие сцены эпопеи пронизаны юмором. Юмор Шишкова своей простотой, сочностью, подчас пубоватостью сближается с народным. Комическое в романе в основном создается двумя средствами. Одно из них — несоответствие формы и содержания образа. В этом плане часто рисуется Петр III. При его изображении юмор переходит в сатиру. Петр III пытается соблюдать величие и торжественность, свойственные его положению, но его поведение, его мысли, внешность, его отношение с «фавориткой» Лизкой Воронцовой показывают его ничтожность. С юмором описывает Шишков рассказы Пугачева о его путешествиях за границей, о членах царской семьи.

Другим средством создания комического является речь автора и героев. Таково авторское описание сцены ссоры Петра III и Лизки Воронцовой, в которой соединяются слова торжественные, высокого стиля: царь, длани, сия, император с вульгаризмами: затрещина, треснул, здоровецкая бабища, замужрышка. Комический эффект производят воспоминания Пугачева о его прежней, «царской» жизни. Разделяя скромную трапезу с казаками, он говорит: «Я приобик на фуршетах есть, чтобы саблея да вестивал, а довелось же» (1, 682). Томашевский так охарактеризовал юмор Шишкова: «...перед нами смех народной сказки, смех открытый, бесхитростный»¹¹.

В языке романа, особенно в речи представителей казачьей массы, часто встречаются эпитеты, метафоры, символы, параллелизмы и другие художественные средства. Они играют в произведении разнообразную роль: помогают нарисовать образы героев, подчеркнуть их настроение, выразить чувства, передать отношение друг к другу. Вот как объявляет казакам о появлении царя Зарубин-Чика: «Солнышко красное нам засияло, приятели-казаки, белый овет в незрячие очи вошел: с нами сидит-присутствует сам государь Петр Федорович Третий» (1, 698).

Речи Пугачева свойственны такие эпитеты: «честной пир», «стар человек», «вольная воля», слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «детушки», «ноченька», «непогодушка», «головушка», «сиротинушка»; глагольные формы: «слыхивали», «сиживал», «итрывал»; тавтологические сочетания: «пора-времечко», «правда-совесть». Используя народную символику, себя он называет «сизым орлом», казаков — «соколами ясными», Устиныю — «голубкой».

¹¹ Б. В. Томашевский. Творческий путь В. Я. Шишкова.—«Литературная газета», 1945, 17 марта.

В языке романа встречаются фольклорные формы и выражения: «Встань передо мной, как лист перед травой», «Долго ли, коротко ли», «Служить верою и правдою».

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Творчество Шишкова, начиная с первых его произведений, было тесно связано с фольклором. Эта связь определялась демократизмом писателя, его близостью к народу. Шишков высоко ценил народное творчество и постоянно обращался к нему в своих произведениях.

Писатель проявлял постоянный интерес к Уралу, к его прошлому и настоящему.

Историческое повествование «Емельян Пугачев» — закономерный итог творчества писателя, которого на протяжении всей его жизни волновала судьба простого человека, судьба народа.

В произведениях, написанных до романа «Емельян Пугачев», можно увидеть тесную связь с фольклором Сибири и Алтая. В романе писатель обратился к народному творчеству Урала и прежде всего — к казачьему фольклору о Пугачеве. Предания о Пугачеве играют важную роль в романе: по ним писатель знакомился с народной оценкой Пугачева и его движения и именно ее положил в основу изображения крестьянского восстания. Поэтому роман отличает идейно-эстетическое единство по сравнению с произведениями народного творчества.

Эпопея включает в себя различные фольклорные жанры, образы, художественные средства, которые выполняют в произведении разнообразные функции. Это определяет яркую образность языка, народность стиля романа, полностью соответствующего его идейному содержанию.